

© 2012 г.

Ю.Н. РОГУЛЕВ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О РОЛИ Ф. РУЗВЕЛЬТА В ИСТОРИИ США

Выход книги известного российского историка доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Заслуженного деятеля науки РФ В.Л. Малькова «Великий Рузвельт» является большим событием для отечественной американистики и в какой-то мере отражением процессов, происходящих в США и в мире после 2008 г.¹ Публикация этой глубокой, вдумчивой, «полноформатной», написанной хорошим, живым языком политической биографии 32-го президента США Ф.Д. Рузвельта вновь неопровержимо подтверждает, что история – важнейший феномен общественной жизни и каждого человека в отдельности. История – не только наша индивидуальная и коллективная память. Она сосуществует с нами как электронная программа, которая активизируется в нужный момент, когда необходимо найти точку опоры и принять важное, как сейчас говорят, судьбоносное решение.

Трудно не согласиться с автором, когда он пишет, что, читая современные «новости из США, можно подумать, что Франклин Рузвельт и его «новый курс» переживают вторую реинкарнацию», что историческое наследие эпохи 30-х годов XX в. и «сегодня внезапно стало частью повседневности, предметом всегдашних тревог и раздумий» (с. 496).

Действительно, начиная с 40-х годов XX в. на Западе больше всего боялись возвращения Великой депрессии, но были уверены в том, что нашли лекарство от кризисов. Этим лекарством стала кейнсианская модель государственного регулирования. Логика действий правительства согласно этой модели достаточно проста: во времена, когда компании сокращают инвестиции, а потребители перестают покупать, кто-то должен занять их место и стимулировать спрос. Эта идея была разработана в начале 1930-х годов британским экономистом Дж. М. Кейнсом. Именно Кейнс был одним из неофициальных идеологов реформ «нового курса», которые проводились в США во время Великой депрессии. По его рецептам действовали практически все государства Европы в 1930-е годы. Идеи Кейнса были крайне популярны и широко востребованы вплоть до начала 1970-х годов, когда серия глубоких экономических кризисов доказала, что они не полностью соответствуют экономическим реалиям: государства продолжали активно тратить деньги, дефициты государственных бюджетов росли, однако результатом этого стала «стагфляция» (высокая инфляция и стагнация производства), сопровождавшаяся снижением уровня занятости.

В результате, кейнсианство сменила вторая модель – консервативная теория монетаризма, одним из создателей которой был нобелевский лауреат М. Фридман. Фундаментальное различие во взглядах Кейнса и Фридмана заключалось в следующем: Кейнс считал, что главной причиной Великой депрессии были действия самих участников

Рогулев Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, директор Фонда изучения США им. Ф.Д. Рузвельта в МГУ.

¹ Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М.: «ЭКМО», 2011, 560 с.

рынков, т.е. стихийная конкуренция, переставшая быть “совершенным законом” экономического развития. Фридман же доказывал, что корень зла заключался в ошибках государственной политики в сфере экономики и финансов².

Главные постулаты консервативного монетаризма, идеологии неолиберализма тоже хорошо известны: отказ, по возможности, от дефицитного финансирования и сокращение социальных расходов, отказ от борьбы с безработицей и лозунгов полной занятости, дерегулирование экономики, приватизация и выдвижение в качестве главной цели борьбы с инфляцией и контроля за денежной массой. Эта идеология и политика укрепилась во многих странах на протяжении последней четверти века и рассматривалась в качестве панацеи решения проблемы экономических кризисов. На праздновании 90-летия М. Фридмана 8 ноября 2002 г. нынешний глава Федеральной резервной системы США Б. Бернанке говорил, обращаясь к юбилею, об ошибках в политике Федеральной резервной системы (ФРС) накануне и в ходе Великой депрессии: “Вы были правы, мы делали их (ошибки. – Ю.Р.). Нам очень жаль. Но благодаря Вам, мы никогда их больше делать не будем”³. Эти слова потом многие вспоминали Б. Бернанке⁴. Развернувшийся на наших глазах мировой финансово-экономический кризис продемонстрировал, что и вторая модель доказала свою неэффективность. Убеждения консервативных экономистов таких, как Б. Бернанке и А. Гринспен, в том, что финансовые институты не будут действовать в ущерб своим интересам и использовать рискованные финансовые схемы, даже если ослабить государственное регулирование их деятельности, было опровергнуто реальными событиями. Все это достаточно отчетливо напоминает ситуацию в США конца 20-х годов и дает вполне убедительный ответ на вопрос о причинах нынешнего экономического кризиса, которую иногда в США облакают в игривую формулу – “банки заигрались”.

Финансовый кризис разразился в США, а затем распространился уже на весь мир, включая Россию. Первые признаки кризиса обозначились в июле 2007 г. на рынке ипотечных кредитов в США, когда 5-й по величине инвестиционный банк Америки, Bear Stearns, заявил о своем банкротстве. Вскоре обанкротился другой известный инвестиционный институт США, American Home Mortgage. Об огромных убытках на рынке ипотеки заявили уже крупнейшие транснациональные финансовые группы City-group и Merrill Lynch. Были, в сущности, национализированы два крупнейших финансовых оператора рынка жилищных закладных бумаг: компании Freddy Mac и Fannie May. Федеральные монетарные власти с трудом предотвратили банкротство American International Group (AIG), крупнейшей в мире страховой компании, которой был выделен заем в размере 85 млрд. долл. Однако, несмотря на эти меры, с сентября 2008 г. кризис перешел в острую фазу. В результате в США прекратили существование все пять крупнейших инвестиционных банков: Bear Stearns и Lehman Brothers обанкротились, Merrill Lynch заявил о том, что продается другому банку – Bank of America. Два оставшихся инвестиционных банка Morgan Stanley и Goldman Sachs обратились в ФРС с просьбой изменить их статус на банковский холдинг, что было равносильно прекращению их инвестиционной деятельности. 29 сентября американский фондовый индекс Dow Jones установил рекорд падения за всю свою более чем 100-летнюю историю. За день биржевой показатель опустился на 6,98%, или 777 пунктов⁵. Финансовый кризис продолжал развиваться. В 2008–2009 гг. в общей сложности обанкротилось свыше 100 крупнейших банков. Помимо уже упомянутых выше стоит назвать и сберегательный банк Washington Mutual (WaMu). Он был создан в 1889 г. Это крупнейший банк, который когда-либо терпел крах в истории США. Его утерянные активы насчитывали \$307 млрд. Дело здесь, конечно,

² Friedman M., Schwartz A.J. A Monetary History of the United States, 1863–1960. New Jersey, 1963.

³ <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2002/20021108/default.htm>

⁴ The Economist, 10.XII.2011.

⁵ The Financial Crisis Inquiry Report. Authorized Edition: Final Report of the National Commission on the Causes of the Financial and Economic Crisis in the United States. New York, 2011.

не в количестве банков, а в том, что в кризисе оказались основные, крупнейшие и старейшие финансовые структуры США и мира, которые принято объединять термином Уолл-стрит. Но кризис продолжал ставить печальные рекорды не только в финансовой сфере. Его влияние сказалось и на отраслях промышленного производства. Летом 2009 г. о банкротстве объявил американский и мировой автогигант General Motors, финансовые активы которого составляли \$82,29 млрд., а долги – \$172 млрд. Большинство других компаний пошло по пути сокращения бизнеса и увольнения части рабочих и служащих. Спад экономики составил 5,4% по итогам 2008 г., а в первом квартале 2009 г. достиг 6,4%. В результате в стране начался рост безработицы, которая выросла почти вдвое по сравнению с докризисным периодом и составила около 10% рабочей силы.

Мировой экономический кризис продолжается уже несколько лет: за это время мы стали свидетелями обвала ипотечного рынка США, кризиса ликвидности в глобальной финансовой системе, экономической рецессии в развитых странах и, наконец, долгового кризиса в Европе, который объективно далек от завершения. И какие бы эвфемизмы не применяли экономисты – “Великое замедление” (Great Moderation), Великая рецессия или Великая коррекция, параллели очевидны для всех: кризис, начавшийся в августе 2007 г., оказался самым масштабным со времен Великой депрессии в США.

Кризис начала XXI в. поставил в сложное положение не только действующих политиков и экспертов-экономистов, поскольку он переломил хребет экономической парадигме, господствовавшей в умах ученых и политиков все последние десятилетия. Последние события вернули остроту дискуссий и среди историков. Появилась необходимость нового обсуждения забытых, как казалось, проблем прошлого, нового взгляда на уже сложившиеся концепции и теории исторического развития в XX в. и их значения для современников. Поэтому не вызывает удивления, что обострение мирового финансового кризиса и президентские выборы в США в 2008 и 2012 гг. заставили многих исследователей, экспертов и журналистов возвращаться к событиям 80-летней давности: эпохе Великой депрессии, президентским выборам 1932 г. и политике “нового курса” президента Ф. Рузвельта.

В последние годы в США вышло такое количество публикаций об этих событиях, которое я могу только сравнить с 1982 г., когда праздновали столетие Рузвельта и 50-летие начала “нового курса”. Это, конечно, не случайно. Аналогии с событиями 30-х годов прошлого века напрашиваются сами собой. И тогда и сейчас мы имели дело с избранием президента от демократической партии в ситуации мирового экономического кризиса, когда общество требовало от руководства страны конкретных действий.

От сравнений президента Ф. Рузвельта и представителя нового поколения демократической партии – президента Б. Обамы было трудно удержаться. После длительного периода господства консервативной модели государственной политики и отказа от концепции “государства всеобщего благосостояния”, мы неожиданно услышали заявления президента США о его “приверженности христианскому принципу помогать слабым и малоимущим” и о том, что он вновь хочет сделать политику правительства привлекательной. Роль государства в экономике и социальной жизни, политика правительства по преодолению кризиса, социальные программы, безработица, положение “забытого человека среднего класса”, движения протеста – обсуждение всех этих и других вопросов вернулось в повестку дня общественных и политических дебатов наряду с глобализацией, интеграцией, терроризмом и другими современными мировыми проблемами.

Анализ многих из этих важнейших проблем читатель найдет в книге В.Л. Малькова “Великий Рузвельт”. Многолетний опыт исследования истории США 30–40-х годов, огромный объем первоклассных документов и материалов, собранных в архивах и библиотеках США, позволил автору не только нарисовать яркий портрет президента Рузвельта, но и создать масштабный образ этой переломной для истории США эпохи. Как уже упоминалось, книга написана в жанре политической биографии и охватывает огромный исторический период с конца XIX и до середины XX в. Вся работа состоит из 11 глав, однако только первая из них “Ранний Рузвельт”, посвящена событиям до 1928 г. Остальные главы отведены событиям, связанным с приходом Рузвельта в Белый

дом и с его деятельностью на посту президента США. Такой подход вполне оправдан. Ведь Ф. Рузвельт не был теоретиком, идеологом, писал мало и не оставил после себя большого количества опубликованных источников. Он был профессиональным политиком. Ранний период его деятельности рассматривается В.Л. Мальковым как некая база, основа и подготовка к президентству, как вершине его политической карьеры. Из этого раздела можно извлечь несколько важных особенностей деятельности Ф. Рузвельта, отмеченных автором.

Происхождение, воспитание, образование, финансовое состояние и многочисленные связи с представителями элиты, конечно, предоставляли Рузвельту большие возможности и открывали перед ним многие двери в самых разных сферах. Но не менее важно было и другое – рано проявившаяся самостоятельность в суждениях и поступках, независимость, отсутствие стремления искать себе покровителя и следовать за ним, энергичная жажда деятельности и харизматичность. Это в полной мере проявилось и в его самостоятельном решении начать политическую карьеру в демократической партии и в ходе его первой избирательной кампании в законодательное собрание штата Нью-Йорк осенью 1910 г. и во взаимоотношениях молодого человека с его дальним родственником (пятинордным братом и дядей жены Франклина Элеоноры) президентом США Теодором Рузвельтом, который был республиканцем, а позднее прогрессистом. “Я не Тедди”, – эта фраза, как пишет Мальков, часто звучала из уст Франклина в ходе его выступлений перед избирателями, хотя недоброжелатели в демократической партии часто называли его “маленьким Рузвельтом”. К этому следует добавить и особенность исторической обстановки, в которой происходило становление Ф. Рузвельта как политика. Это была “прогрессивная эра”, эпоха острой политической борьбы и ярких политических деятелей. За ней последовала Первая мировая война с ее внешнеполитическими аспектами, особыми внутренними противоречиями и не менее острой борьбой. Об идейно-политических взглядах Ф. Рузвельта в этот период судить сложно. Автор биографии указывает на влияние Т. Рузвельта и идей прогрессистов и даже на заимствование Рузвельтом определенных концепций у социал-реформистов, однако предостерегает от преувеличений в оценке радикальности молодого политика (с. 27), авторитет которого в демократической партии именно в эти годы постепенно сложился и вырос.

Автор обращает внимание и еще на одно обстоятельство, которое прослеживается и в этом и в последующих разделах книги. Это роль Элеоноры Рузвельт, незаурядной, глубокой личности, которая, несмотря на заботы о своем многочисленном семействе, не только активно участвовала в делах мужа, но и сама занималась общественной деятельностью. Во многом благодаря ей Ф. Рузвельт стал великим президентом в истории США, несмотря на все трудности в их жизни и имевшиеся проблемы в отношениях. Книга В.Л. Малькова хотя бы отчасти восполняет пробел в отечественной историографии в этом плане.

К своему главному испытанию Ф. Рузвельт подошел умудренный не только политическими баталиями, но и собственным тяжелым жизненным опытом, прочувствовав на себе, что такое быть инвалидом, человеком, который нуждается в посторонней помощи. Преодолев кризис в своей судьбе, вернувшись с успехом к политической деятельности, Ф. Рузвельт оказался человеком, востребованным обществом в тот период, когда в кризисе оказалась уже вся страна.

Рузвельт пришел к власти, когда экономика неудержимо катилась вниз на протяжении двух-трех лет. Многие традиционные меры борьбы были использованы, но не дали результата. Падение промышленного производства составило почти 50%, банковская система практически была в состоянии коллапса (разорилось 43% банков), безработица достигла 25%, не лучше обстояла ситуация в сельском хозяйстве. Сюда следует добавить нарастание социальной напряженности в обществе, массовые забастовки рабочих и фермеров, марши безработных и движений протеста в Вашингтоне. Переломить эти тенденции было очень сложно, отсюда такая смелость в предложении мер и такое экспериментирование администрации Рузвельта.

В связи с этим в историографии “нового курса” обсуждается много вопросов: являлся ли “новый курс” спонтанным экспериментированием, импровизацией или представлял собой подготовленную и продуманную программу, почему возник “второй новый курс” с его поворотом влево, насколько эффективными были экономические и социальные реформы, какими были отношения Рузвельта с бизнесом и рабочим движением, что реально способствовало выходу страны из кризиса – “новый курс” или Вторая мировая война. И это лишь краткий перечень проблем, занимающих умы исследователей.

К достоинствам книги следует отнести то, что автор не уходит от острых вопросов. У В.Л. Малькова есть свое, сложившееся мнение в оценке деятельности Рузвельта и он его аргументировано доказывает в своей работе. Например, он называет наиболее распространённой, “шаблонной ошибкой исторической публицистики и политической пропаганды” представление о реформах Рузвельта в виде «нагромождения экспериментов, творимых “вслепую”» (с. 100). В книге раскрывается достаточно долгий и непростой путь, который прошел Ф. Рузвельт, формулируя на “перспективу новую доктрину социальной ответственности государства за судьбы своих граждан” (с. 105). В рамках этой системы взглядов мероприятия “нового курса” уже не выглядят такими спонтанными и стихийными.

В.Л. Мальков не соглашается и с теми историками, которые видят в законодательстве “первых ста дней” чисто экономические аспекты. Целью Рузвельта, пишет он, было “создать прежде всего психологический перелом, внести успокоение, проще говоря, выпустить пар из котла” (с. 125). В работе большое место уделяется восприятию реформ в рабочем движении, фермерских кругах и других слоях населения, которые оказывали серьезное давление на политику того времени и внесли свой вклад в становление и изменение характера “нового курса”, формирование его социальной базы. С этих позиций автор трактует и поворот влево в политике “нового курса”. По его мнению, в этом решении “проступает стремление Рузвельта решить главную задачу прогрессивного либерализма в условиях острейшего кризиса капиталистической системы – подчинить себе массы и удерживать их под контролем подновленной двухпартийной системы” (с. 169). С аналогичных позиций В.Л. Мальков рассматривает и вопрос о причинах завершения реформ в 1938 г. с принятием закона о справедливых условиях труда. В историографии принято считать, пишет он, что это событие символизировало конец “нового курса”. В.Л. Мальков отмечает, что “едва ли с этим можно согласиться без оговорок” и подчеркивает, что если бы ход событий не был прерван, начавшейся в Европе Второй мировой войной, все могло бы выглядеть “в совершенно ином свете” (с. 179).

Значительная часть книги посвящена проблемам внешней политики. Очень интересны разделы, посвященные истории восстановления дипломатических отношений между США и СССР и их эволюции в 30-е годы. Причину того, что эти отношения не получили должного развития даже в свете агрессивных действий Германии, автор видит в том, что в Вашингтоне исходили из “малодостоверной информации, основанной на смеси антипатий к СССР” в дипломатическом корпусе и в обществе и явной недооценкой военных и внешнеполитических возможностей Советского Союза накануне войны (с. 251). Это не могло не сказаться на развитии событий в Европе в негативном ключе. Ссылаясь на высказывания самого Рузвельта и Г. Гопкинса, В.Л. Мальков свидетельствует о том, что США фактически устранились от “дела обеспечения безопасности” в Европе и мире (с. 257). Подтверждая этот факт, автор не снимает ответственности с советского руководства за все то, что было сделано во внутренней политике и негативном влиянии этого фактора на предвоенную внешнюю политику, включая советско-американские отношения.

Читатель найдет в обсуждаемой книге подробный анализ проблемы отказа от политики нейтралитета и вступления США во Вторую мировую войну, складывания антигитлеровской коалиции, обсуждения важнейших проблем послевоенного устройства и, конечно, об отношении Рузвельта к развитию отношений с Советским Союзом. Приводя многочисленные свидетельства, дипломатическую переписку, архивные материалы и документы, В.Л. Мальков справедливо отмечает, что “в годы войны самой закрытой

стороной рузвельтовской дипломатии” были отношения с Советским Союзом. Поэтому многое, что касалось “второго фронта, атомного оружия, польского вопроса, Прибалтики и Дальнего Востока”, “навсегда осталось тайной” (с. 509).

Последний раздел книги назван автором “Вместо заключения”. В нем В.Л. Мальков, обращаясь к событиям наших дней, говорит об эгоистичном поведении финансовых топ-менеджеров, о самовлюбленных политиках, которые привели страну к новому кризису и о болезненном признании “неуправляемости самой большой экономики мира”. Он отмечает, что история “не просто повторилась, она напомнила, что невыученный урок чреват самыми печальными последствиями” (с. 497). Не удивительно, что на этом фоне Ф. Рузвельт выглядит “яркой фигурой” и “великим президентом”. Он не просто являл собой продукт истории, но “и в четко отведенной им нише был ее творцом и исполнителем”, а его “новый курс” “как стратегия и мобилизующая идея выхода из кризиса был активно и пассивно поддержан миллионами американцев”. Автор выступает против распространенных в историографии тезисов о “завершенности” этого периода и о распаде коалиции “нового курса”. Он пишет, что “никакие временные рамки оказались неспособны четко обозначить финал этой фазы в политической истории США второй половины XX в.”, что сохранялась преемственность в интеллектуальном плане и в практической политике вплоть до наших дней.

Это очень важный тезис. Можно не соглашаться с некоторыми выводами автора об отдельных сторонах политики Рузвельта и причинах ее изменения. Однако первое, что хотелось бы подчеркнуть, говоря о значении экономической и социальной политики Ф. Рузвельта, это ее современность. Поэтому все вопросы оценки “нового курса” и его исторической роли необходимо рассматривать именно в этом ключе.

Конечно, “новый курс” не был идеальной политикой, как и Рузвельт не был во всем идеальным человеком и политическим лидером. Это объясняет и то, почему политике Рузвельта были присущи недостатки, ошибки, противоречивость, непоследовательность, стремление к манипулированию массовым сознанием и поведением. Во многих современных работах критикуют, например, закон НИРА (о восстановлении промышленности) за принудительное картелирование бизнеса, у многих вызывает негативную реакцию политика повышения цен на продукцию сельского хозяйства. Ряд авторов говорит о недостаточном внимании к проблеме безработицы, сохранявшейся на очень высоком уровне в течение всего периода “нового курса”. Другими словами, часть из этих мер сработала, а часть оказалась неэффективной. Вообще проблема эффективности “нового курса” является одной из самых обсуждаемых в настоящее время. Тем не менее, на этот вопрос нельзя смотреть чисто технически. Да, вся эта политика носила антикризисный характер, но темпы роста экономики и восстановление уровня производства 1929 г. по всем параметрам не были для Рузвельта единственной целью.

С точки зрения сегодняшнего дня, мы можем сказать, что одним из главных достижений “нового курса” стали структурные реформы, затронувшие все основные сферы экономики и общества. В результате этих реформ была создана система защиты интересов и уверенности для самых разных социальных групп: банков и вкладчиков, предпринимателей и рабочих, фермеров и потребителей. Эта система включала защиту престарелых граждан, защиту молодежи, культуры и даже защиту природы и окружающей среды. Все это действует и в настоящее время. Политика “нового курса” способствовала складыванию в американском обществе нового понимания свободы, как сочетания знаменитых четырех свобод Рузвельта: свободы слова, свободы вероисповедания, свободы от нужды и свободы от страха. Наконец, “новый курс” укрепил систему политической демократии элементами экономической демократии.

“Новый курс” создал систему государственного регулирования экономики и финансовой сферы, ставшую основой послевоенного беспрецедентного экономического подъема и современного американского государства и общества. Можно назвать, например, Комиссию по торговле ценными бумагами, созданную в 1934 г., без которой уже невозможно представить себе современный рынок акций. Меры по регулированию банковской сферы оказались очень эффективными и помогли сохранить плюралистичность

банковской системы вплоть до наших дней. Да и известная теперь даже в России Fannie Mae (Federal National Mortgage Association), оказавшаяся в центре нынешнего кризиса, была создана в 1938 г. Наконец, система социального страхования, созданная в те годы, превратилась в основу политики государства всеобщего благосостояния, без которой уже невозможно представить себе современные Соединенные Штаты.

Многие меры, конечно, осуществлялись за счет дефицитного бюджетного финансирования, достигавшего в период Великой депрессии уровня чуть меньше 20%. Обычно критики говорят, что дефицитное финансирование не дало результата, и только Вторая мировая война вывела американскую экономику из кризиса. Однако это не совсем так. Во-первых, экономика начала расти уже к концу 1933 г. и к 1936 г. ситуация почти нормализовалась. Администрация Рузвельта даже пошла на сокращение расходов в бюджете. Результатом тут же стал новый экономический спад 1937 г. Во-вторых, когда говорят о периоде войны, забывают упомянуть, что в это время дефицитное государственное бюджетное финансирование достигает своего максимума – 52% к 1942 г. и почти 70% в 1944 г. Результатом такой дозы кейнсианского лекарства стало почти двукратное превышение уровня экономического развития 1929 г. и практическое исчезновение безработицы.

Спорные проблемы, оценки и дискуссии по поводу периода “нового курса” можно продолжать до бесконечности. В этом обзоре затронута лишь малая толика тех вопросов, которые возникают при прочтении работы В.Л. Малькова “Великий Рузвельт”. Это во всех смыслах современная, глубокая и яркая работа, которую будут читать и перечитывать нынешние и будущие историки США.